

#YOUNG
FANTASY

ВИКТОРИЯ ШВАБ

АРХИВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
ШЗЗ

Victoria Schwab
The Archived

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*

Шваб, Виктория.

ШЗЗ Архив : [роман] / Виктория Шваб ; пер. с англ.
Ю. Ершовой. – Москва : Издательство АСТ, 2018. –
384 с. – (#YoungFantasy)

ISBN 978-5-17-982857-0

Представьте себе библиотеку, где вместо книг на полках лежат мертвецы. У каждого из них своя особая история, которую под силу прочесть только Библиотекарям. Поэтому они называют мертвых Историями, а место, где хранятся Истории – Архивом.

Маккензи Бишоп — Хранитель Архива, она спасет мир от вторжения бесприютных призраков — пробудившихся Историй. Но однажды кто-то начинает переписывать некоторые Истории, подчас стирая целые жизни. И это каким-то образом связано с загадочной деятельностью Библиотекарей и ледяным кровью убийством, произошедшим более пятидесяти лет назад...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-982857-0

Text copyright © 2012 by Victoria Schwab
© Ю. Ершова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2018

*Посвящается Бобу Ледбеттеру,
чью Историю я бы с удовольствием прочла,
и Шелли МакБерни,
оставляющей метку на всем,
чего коснется, и на всех, кого встретит*

*Над могилой не плачь моей,
Я не там, не уснула в ней¹.*

Мэри Элизабет Фрай

---

¹ Пер. С. Юдина.

Коридоры напоминают мне об августовских ночах на Юге.

О древних камнях и почве, которых никогда не касался солнечный свет.

О дыме — застарелом, терпком, — о грозах и сырой земле.

Но больше всего, деда, они напоминают о тебе.

Я делаю шаг вперед и вдыхаю тяжелый, плотный воздух. Мне снова девять, и за окном лето.

Мой младший братишка, Бен, развалился перед вентилятором и синим карандашом рисует монстров. Я торчу на крыльце, задрав голову к небу, и разглядываю звезды, окруженные нежным светящимся ореолом, — ночь выдалась влажная. Ты стоишь рядом, куришь, покручивая на пальце старое потускневшее кольцо, и со своим распевным, мелодичным луизианским акцентом рассказываешь мне об Архиве, Коридорах и Внешнем мире так небрежно, словно мы беседуем о погоде, обсуждаем, что будем есть, или какую-то подобную чепуху.

Ты растегиваешь пуговицы на манжетах, закатываешь рукава, не прерывая рассказа, и я впервые замечаю, сколько же у тебя шрамов. Три ровных линии на твоём предплечье и дюжина других отметок переплетаются в причудливый узор, напоминающий трещинки на выделанной коже. Я лихорадочно

пытаюсь вспомнить, когда видела тебя в одежде с короткими рукавами, и не могу.

На твоей груди, как всегда, висит старый, заржавленный ключ. Несмотря на то что ночь черна и темна, хоть глаз выколи, он посверкивает, отражая свет. Ты мусолишь в руках какой-то свиток: то и дело сворачиваешь и разворачиваешь его, снова и снова разглядывая чистую белую поверхность, будто на ней что-то должно быть написано. Но листок пуст и нем. Тогда ты сворачиваешь его в узкую трубочку и прячешь за ухо. Едва заговорив, ты начинаешь выводить пальцем узоры на запыленном поручне: тебе не под силу усидеть без движения.

Бен выходит к нам на крыльцо и о чем-то спрашивает. Если бы я могла вспомнить, о чем. Если бы я могла вспомнить звуки его голоса. Но не могу. Зато помню, как ты смеешься и перечеркиваешь пальцем три линии, которые только что нарисовал в пыли. Разрушаешь узор. Бен уходит в дом, и ты велишь мне закрыть глаза. Кладешь в мои ладони что-то тяжелое и гладкое и предлагаешь прислушаться, нащупать тончайшую ниточку памяти, ухватиться за нее и рассказать, что я там увидела. Но я не вижу ничего. Ты просишь меня постараться, сосредоточиться, обратиться вовнутрь, но безуспешно.

Следующим летом все будет иначе. Я услышу легкое гудение, и обращусь вовнутрь, и увижу нечто. Ты будешь измотан, горд и печален одновременно, и уже на следующее лето добудешь мне кольцо один в один как у тебя, только новое. А через это следующее лето ты будешь мертв, и твой ключ, так же, как и все твои тайны, перейдет ко мне.

Этим летом все еще просто.

Этим летом мне всего девять, ты еще жив, и у нас есть время впереди. И когда я скажу тебе, что

Архив

ничего не вижу, ты пожмешь плечами, прикуришь новую сигарету и продолжишь рассказывать истории.

Истории об извилистых галереях, невидимых дверях и местах, где мертвых хранят на полках, словно книги. Каждый раз, покончив с очередной байкой, ты просишь меня пересказать ее, будто боишься, что я могу позабыть.

Но я не позабуду никогда.

Глава первая

В этом пресловутом «начале с нуля» и нуля-то никакого нет. Опираясь спиной о кузов машины, я смотрю вверх, на Коронадо: старый отель, переоборудованный в жилой дом, который показался маме с папой таким привлекательным. Он мрачно глядит в ответ пустыми окнами-глазницами. Всю дорогу я нервно крутила кольцо, касаясь большим пальцем трех линий, вырезанных на гладкой поверхности, будто эта полоска серебра стала моим талисманом или будто вместо четок она помогала считать молитвы. Я молила о чем-то новом, простом и незамысловатом. И получила вот это.

Кажется, я даже через улицу могу различить комья пыли.

— Ну разве не прекрасно? — экстатически взвизгивает мама.

— Он какой-то... ветхий.

Настолько ветхий, что камни в кладке просели, и из-за трещин фасад производит унылое впечатление. Прямо на моих глазах от стены отрывается осколок размером с кулак и падает вниз.

Я смотрю вверх, на крышу с горгульями. Они сидят не по углам, как обычно, а торчат там и сям, словно привольно расположившаяся стайка ворон. Мазанув взглядом по облупившимся окнам шести

этажей, я опускаю глаза к растрескавшемуся каменному шатру, венчающему вход в вестибюль.

Мама бросается вперед, но на полпути замирает, чтобы полюбоваться «старинными» камнями в мостовой, которые придают улице «особую прелесть».

— Дорогая! — окликает папа, следуя за ней. — Не стой посреди дороги!

Нас должно быть четверо. Мама, папа, Бен и я. Но все не так. Уже четыре года, как не стало деда, и не прошло еще года со дня смерти Бена. Года невысказанных слов, вызывающих в памяти образы и картинки, которые слишком тяжело вынести. Любой пустяк способен вдребезги разбить тебе сердце. Завалившаяся за стиральную машинку футболка. Игрушка, которая закатилась под ящик в гараже и лежит позабытая до тех пор, пока кто-нибудь не уронит туда же свою вещицу, а найдет — ее, и потом, лежа на бетонном полу, всхлипывает в бейсбольную перчатку.

Через год попыток кое-как вести жизнь, пытаюсь не разрушать воспоминания, как подрывают заброшенные шахты, родители сдаются и решают уехать, чтобы начать все с чистого листа. «Начать с нуля». Типа, «именно это сейчас нужно семье». Я же называю это бегством.

— Маккензи, ты идешь?

Я плетусь за родителями через улицу, поджариваясь на июльском солнце. На входе меня встречает крутящаяся дверь, зажатая между двумя обычными. Во внутреннем двореке и в вестибюле я замечаю несколько человек, все зрелого возраста.

Мама была чудной еще до того, как погиб Бен. Она хотела стать то смотрительницей зоопарка, то юристом, то шеф-поваром. Но это были безобидные *причуды*. После его смерти они обрели другой характер. Вместо мечтаний мама приступила к дей-

ствиям. С ужасающей энергией. Если спросить ее про Бена, она сделает вид, что не услышала, а вот если спросить об очередном замысле, — она готова будет болтать о нем часами, каким бы нелепым он ни был. Ее энергии, кажется, с лихвой хватило бы на освещение небольшой квартиры. При этом вся она уходит «в гудок» — мамины идеи всякий раз оказываются однодневками. Она переключается с одной работы на другую с такой же легкостью, как Бен меняет — менял — свои любимые блюда: одну неделю это был сыр, другую — яблочное пюре.

За прошедший год мама семь раз сменила место работы. Похоже, мне следует радоваться уже тому, что она не меняет себе жизни — можно не сомневаться, что она делала бы это с радостью. Одним прекрасным утром мы с папой проснулись бы и не нашли ничего, кроме записки, написанной ее корявым, как курица лапой, почерком. А она все еще здесь, с нами.

От стены здания отваливается еще один кусок штукатурки.

Может, эта новая работа завладеет ее вниманием?

Заброшенному углу первого этажа Коронадо, втиснутому под тенты внутреннего дворика, суждено стать полигоном для воплощения самой розовой мечты моей мамы, хотя она сама предпочитает звать ее «венцом стремлений»: Кофейни Бишопов. Если ее спросить, она скажет, что это — единственная причина переезда сюда, и не имеет никакого отношения к... (как вы уже поняли, она не произносит имени Бена).

Мы поднимаемся к дверям, и папа ободряюще кладет руку мне на плечо. Моя голова тут же заполняется какофонией, напоминающей смесь радиопомех с низкочастотным шумом. Я морщусь и делаю над собой усилие, чтобы не отстраниться. Мертвые

хранят молчание, а вещи, содержащие воспоминания, беззвучны, пока ты не сосредоточишься на них. Но прикосновение живого существа — оглушительно. Живые так неорганизованны, так нелогичны и представляют собой гремучую смесь из воспоминаний, эмоций и идей. Этот шквал информации тормозит небольшое серебряное кольцо на моем пальце. Жаль, что оно может отразить лишь образы, но не шум.

Я представляю себе стену между рукой папы и своим плечом, как учил меня дед: второй барьер. Но он не срабатывает. Звук не уходит и оглушает меня завываниями и помехами, словно плохо настроенное радио. Выждав приличное количество секунд, я делаю шагок вперед, туда, где ему меня не достать. Папина рука сползает с моего плеча, и наступает благословенная тишина. Я с облегчением расправляю плечи.

— Что думаешь, Мак? — спрашивает он, и я задираю голову, глядя на нависающий над нами Коронадо.

Мне хочется схватить маму за плечи и трясти ее до тех пор, пока из нее не вывалится очередная новая идея и она не потащит нас прочь отсюда.

Я понимаю, что не могу сказать об этом папе. За последний год он из подтянутого мужчины стал топким хляком, а кожа у него под глазами стала отливать синевой. Да, маминой энергии хватит на то, чтобы обеспечить город, но в папе жизнь едва теплится.

— Думаю, — начинаю я, выдавив улыбку, — что это будет замечательное приключение.

Мне десять, уже почти одиннадцать, и я ношу на шею ключ, чтобы быть похожей на тебя. Все говорят, что у меня твои глаза — серо-стальные, и

такие же волосы — когда-то они были рыже-каштановыми, а потом поседели. Но я не обращаю внимания на эти глупости. Глаза и волосы есть у всех. Я хочу обрести такие черты, которые обычные люди не могут заметить. Кольцо, ключ и особенную манеру воспринимать мир, держа многое в секрете.

Мы уезжаем на север, и день рождения я встречу дома, хотя провела бы время с тобой, вместо того чтобы задувать свечи на торте. Бен задремал на заднем сиденье, и по дороге домой ты рассказываешь мне о трех пространствах.

О Внешнем мире, на который ты не тратишь много времени — ведь это наш привычный мир, в котором мы живем, и многие люди не знают ничего иного.

О Коридорах, кошмарном месте с запыленными переходами, полными жутковатого шепотка, неизвестными дверьми и темнотой, такой плотной, будто ее можно пощупать.

И об Архиве, библиотеке мертвых. Бескрайней, залитой светом, повсюду дерево, камень и витражи, и всепоглощающее чувство покоя.

Ты ведешь машину и рассказываешь, одной рукой придерживая руль, а другой поигрывая ключом, висящим у тебя на шее.

Единственное, что объединяет эти три места, говоришь ты, это двери. Входы и выходы. А к дверям нужны ключи.

Я наблюдаю, как ты покручиваешь в руке ключ, проводя пальцем по зубчикам. Я повторяю за тобой, и ты замечаешь мой дурацкий ключик на веревочке, и спрашиваешь, что это. Я показываю его тебе, и в машине наступает странная тишина, словно мир вокруг задержал дыхание. А потом ты вдруг улыбаешься.

И говоришь, что я могу получить свой подарок раньше, хотя мама любит, чтобы все было как положено. Достав из кармана маленькую коробочку, ты вручаешь ее мне. Внутри лежит серебряное кольцо с тремя аккуратными полосками, вырезанными на металле, — меткой Архива. Такое же, как у тебя.

Я еще не знаю, зачем оно, — я пока глуха и слепа к окружающему миру и его воспоминаниям, к людям и их путаным мыслям. Но я впечатлена и клянусь тебе, что никогда его не сниму. Машина подскакивает на кочке, и я роняю кольцо под сиденье. Ты хохочешь, а я заставляю тебя съехать на обочину, чтобы можно было его найти. Мне приходится носить его на большом пальце, настолько оно велико. Но ты утешаешь меня, говоря, что я непременно вырасту.

Через крутящуюся дверь мы втаскиваем наши пожитки в вестибюль. Мама чирикает в радостной экзальтации, я хмуро нахохливаюсь, как сыч.

Просторное фойе вызывает ассоциации с детскими игровыми картинками, на которых надо найти, что не так. На первый взгляд — сияние и блеск, всюду мрамор, клейма в виде корон и позолота. Но потом понимаешь, что мрамор покрыт слоем пыли, отделка потрескалась, а позолота осыпается на ковер. В окна врывается солнечный свет, и старое мутное стекло не в состоянии поглотить его тепло. Здесь пахнет как в старом пронафталиненном шкафу с забытой одеждой. Когда-то это место было потрясающим, вне всякого сомнения. Что же случилось?

У входа переминаются с ноги на ногу двое, не обращая внимания на кружащиеся повсюду тучи пыли.

На другом конце вестибюля я вижу грандиозную мраморную лестницу, ведущую на второй этаж.